

Лейтес А.М.

**Железнодорожный транспорт в
художественной литературе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А11

А11 **А.М. Л.**
Железнодорожный транспорт в художественной литературе / Лейтес А.М. – М.: Книга по Требованию, 2024. – 558 с.
ISBN 978-5-519-92994-3

ISBN 978-5-519-92994-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

усвоение содержания путем пояснительных сносок, а иногда и коротеньких предисловий, излагающих в основном сюжет произведения.

Составители надеются, что читатели сборника, ознакомившись с отрывками, взятыми из лучших произведений писателей прошлого и нашего времени, самостоятельно обратятся к творчеству этих писателей. Помещенные в сборнике целиком и в отрывках произведения Гейне, Андерсена, Некрасова, Чехова, Горького, Салтыкова-Щедрина, Серафимовича, Золя, Гаршина, Гарина-Михайловского, Николая Островского, Алексея Толстого и многих других дадут яркое представление о жизни и труде железнодорожников былого и нашего времени, предоставят читателю возможность сравнить «век нынешний и век минувший» и глубоко осознать весь ужас прошлого и все величие нашей счастливой жизни, полной свободного трудового творчества и радостной героической борьбы за великое дело Ленина — Сталина.

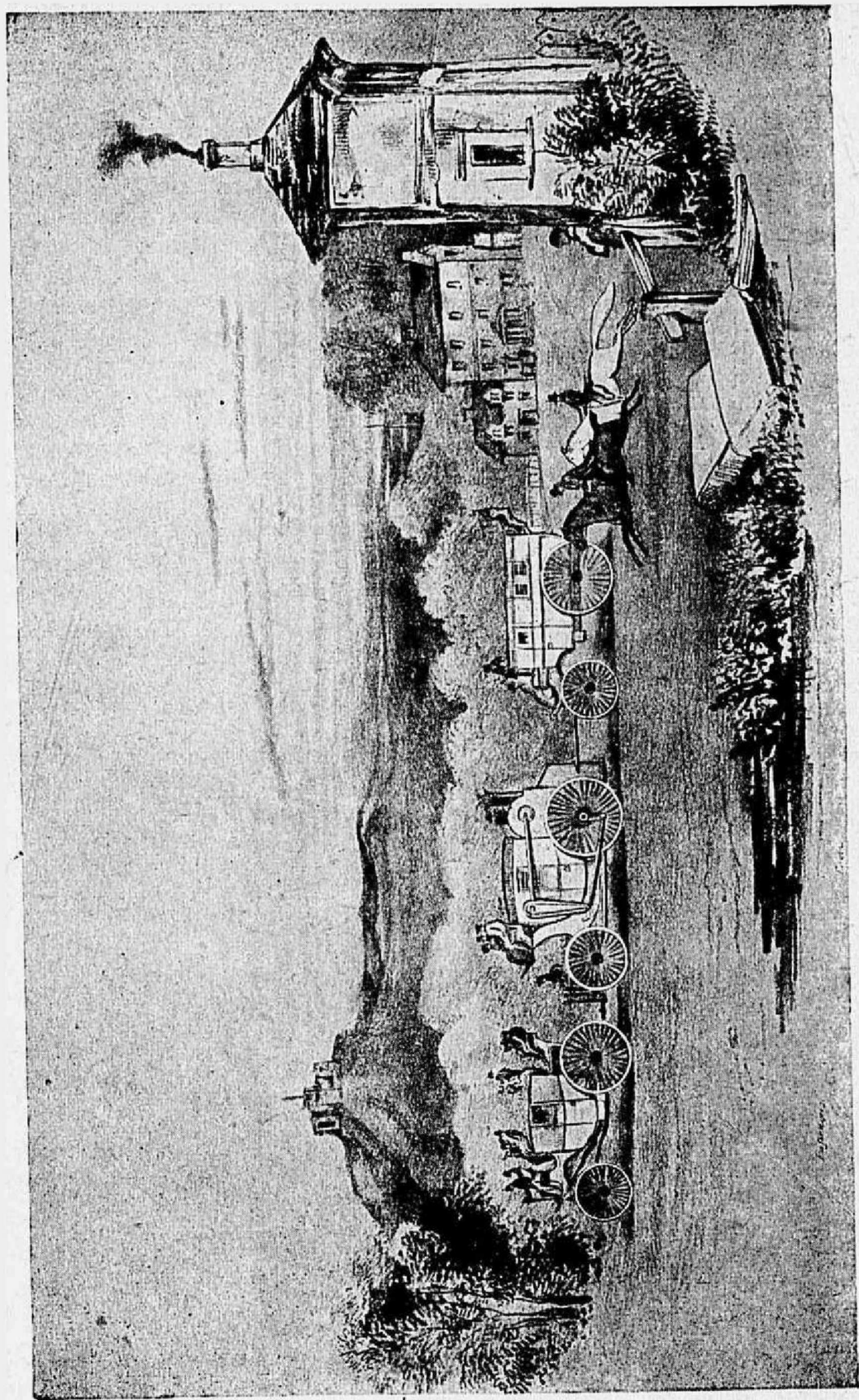
Материал сборника является выразительной иллюстрацией к ленинским словам о значении железных дорог, представляющих собой «одно из проявлений самой яркой связи между городом и деревней и между промышленностью и земледелием, на которой целиком основывается социализм».

Часть первая
МИНУВШЕЕ

Путешествие в паровом экипаже (стар. англ. гравюра). Гос. Музей изобразительных искусств

Глава I

СТАЛЬНЫЕ КОНИ

Ганс-Христиан Андерсен

Чудо-конь

В виду того что многим из моих читателей не приходилось еще видеть железной дороги, я прежде всего постараюсь дать им о ней хоть некоторое понятие. Представьте себе обыкновенную дорогу, прямую или извилистую — все равно; безусловно необходимо только, чтобы она была гладкая, ровная, как пол в комнате. Ради этого прорывают встречающиеся на пути горы, перебрасывают через болота и глубокие пропасти мосты на арках. Когда же такой ровный гладкий путь готов, по всему протяжению его прокладывают железные рельсы, по которым покатятся колеса вагонов. Впереди всех вагонов локомотив, который управляется рукой опытного мастера, знающего, как остановить его, как пустить в ход; к локомотиву прицепляют один за другим вагоны, в них набираются пассажиры или скот, и—марш!

Прибытие поезда на каждую станцию известно по часам и минутам, и уже издали слышится сигнальный свисток, извещающий, что поезд тронулся с места; сейчас же на всех боковых дорогах, пересекающих рельсовый путь, опускают шлагбаумы; добрым людям — и пешим, и конным—приходится ждать, пока поезд пройдет. Вдоль всего рельсового пути понастроены на известных расстояниях друг от друга маленькие домики для сторожей. Расстояния эти невелики, — надо, чтобы каждый сторож мог видеть развевающиеся флаги в руках соседних сторожей и успевать держать свой участок пути в исправности; на рельсах не должно валяться ни камешка, ни веточки.

Так вот вам и железная дорога! Надеюсь, что меня поняли.

Предстояло и мне в первый раз в жизни проехаться по железной дороге. Полдня и всю следующую за ним ночь я трясся в дилижансе по ужаснейшей дороге от Брауншвейга до Магдебурга. Усталый донельзя приехал я на вокзал и через час должен был снова пуститься в путь, но уже по железной дороге.

Не скрою, что я еще заранее испытывал во всем своем существе какой-то особый болезненный трепет; назову это ощущение, пожалуй, железнодорожной лихорадкой! Оно достигло высшего своего напря-

жения в ту минуту, когда я вступил в огромное здание вокзала, откуда отходили поезда. Батюшки мои, что тут была за суматоха, что за беготня и возня с чемоданами и мешками, что за свист и шипение! Шипели и свистели локомотивы, выпускавшие пары. В первую минуту просто не знаешь даже, куда приткнуться, где остановиться, чтобы не попасть под вагон, паровик или тележку с багажом. Конечно, безопаснее всего оставаться на платформе; ряды вагонов теснятся к ней, словно гондолы к набережной, а там дальше на дворе целая сеть рельсов, перекрещивающихся между собою, будто какие-то магические линии. Да так оно и есть; только провела-то их человеческая мудрость; вагоны не должны сходить с этих магических линий, тут дело идет о жизни и о смерти или искалечении сотен людей. Я впился глазами в эти вагоны, в локомотивы, пустые тачки, гуляющие с места на место, трубы и, бог весть что еще, мелькавшее передо мною в этом заколдованном царстве. Тут все предметы как будто с ногами! Дым, свист и толкотня пассажиров, стремящихся занять места, чад сала, фыркание паровозов — все это просто ошеломляет, особенно если человек, как я, например, находится тут впервые и невольно рисует себе разные страхи: а вдруг мы опрокинемся, переломаем себе руки и ноги, взлетим на воздух или столкнемся с встречным поездом и разобьемся вдребезги? Думаю, впрочем, что такие страхи мерещатся лишь тому, кто отправляется по железной дороге впервые.

Вагоны делятся на три класса; вагоны первых двух — те же закрытые дилижансы, только пошире; вагоны третьего класса открытые, и проезд в них стоит невероятно дешево. Самому бедному крестьянину можно пользоваться ими, — это обойдется ему дешевле, чем остановки и ночевки на постоянных дворах, если он пустится в дальний путь пешком.

Вот раздается сигнальный свисток... Звук не из красивых, напоминает визг поросенка, когда его режут. Усаживаешься точно в удобной карете, кондуктор запирает двери вагона и берет ключ себе, но мы можем опустить стекла окон и таким образом дышать свежим воздухом, не опасаясь сквозняка. Вообще вагоны почти не отличаются от обыкновенной кареты, только гораздо удобнее; здесь можно отдохнуть после утомительного переезда в дилижансе.

Вот вагоны слегка дергает, соединяющие их цепи натягиваются, опять раздается сигнальный свисток, и поезд трогается, но сначала так медленно, словно игрушечный поезд, который тащит на веревочке детская ручонка. Мало-по-малу скорость увеличивается, но ты и не замечаешь этого, преспокойно читаешь себе книгу, разглядываешь карту, и сам даже не знаешь хорошенько, движется ли поезд. Вагоны скользят по рельсам, как сани по гладкому снегу. Выглянув же в окно, ты заметишь, что мчишься вперед, точно вагоны запряжены горячими конями, несущимися вскачь. Ход все ускоряется, и, наконец, тебе кажется, что ты летишь на крыльях ветра. При этом ни малейшей тряски, ни резкой струи ветра в лицо, словом, никаких неприятностей, сопряженных со скорой ездой на лошадях.

Что это красное промелькнуло мимо нас, как молния? Это флаг в руках сторожа, стоящего на своем посту. Выгляни в окно! Поле

на расстоянии трех-семи сажен представляется бегущим, как стрела, потоком. Трава и растения просто обгоняют друг друга; право, как будто стоишь где-то вне земли и видишь, как она вертится на своей оси. Пристальное созерцание убегающей дороги, однако, скоро утомляет глаза, но брось взгляд вдаль — там предметы проносятся мимо нас не быстрее, чем когда мы едем в обыкновенном экипаже, запряженном парой добрых коней. На самом же дальнем горизонте все как будто стоит неподвижно, так что отлично можно разглядеть всю местность и получить цельное впечатление.

Так-то вот и следует путешествовать по странам, расположенным на ровной, гладкой поверхности! Города как будто лежат рядышком; не успеешь проехать один, глядь — уже и другой! Так вот, должно быть, минуют города и перелетные птицы. Обыкновенные проезжие, которых обгоняешь по дороге, словно совсем не двигаются с места; видно, правда, что лошади поднимают ноги, но снова опускают их как будто на то же место, а мы уж и промчались.

Недаром же сложился известный анекдот об одном американце. Он тоже в первый раз ехал по железной дороге, и, видя в окно мелькающие один за другим верстовые столбы, вообразил, что едет по кладбищу, — памятник на памятнике! Я бы не привел этого анекдота, если бы он не характеризовал так удачно ту быстроту, с которой вообще несется поезд железной дороги. И немудрено, что анекдот этот не выходил у меня из головы, когда я глядел в окно; если мимо нас и не мелькали столбы, то мелькали красные сигнальные флаги, и тот же американец сказал бы пожалуй: «С чего это все люди разгуливают сегодня с красными флагами?»

Я же расскажу сейчас другой анекдот. Когда мы проезжали мимо забора, сократившегося, на мой взгляд, в один шест, сосед сказал мне: «Вот мы и в княжестве Гота!» Затем он взял себе понюшку табачку и предложил табакерку мне; я поклонился, взял тоже щепотку, чихнул и спросил: «А долго ли предстоит нам ехать по этому княжеству?» «О!» ответил он: «Мы проехали его, пока вы чихали!»

А между тем бывает, что поезда идут еще куда быстрее нашего; станции сменялись тут чуть не ежеминутно, и поезд поэтому шел замедленным ходом; на каждой станции минутная остановка; некоторые пассажиры выходят, другие садятся, слуги подают им в открытые окна разного рода прохладительные и подкрепительные яства и пития — кому что по вкусу! Здесь, в буквальном смысле слова, жареные рябчики сами летят вам в рот, — только заплатите!.. А затем — опять в путь. Болтаешь с соседом, читаешь книгу, любишься природою, стадом коров, с изумлением озирающихся на поезд, или лошадьми, которые вырываются из рук кучера и несутся сломя голову с досады, что десятка два каких-то вагонов осмеливаются пуститься в путь без их содействия, да еще перегнать их, а там глядишь, — снова оказываешься под крышей, у платформы, где поезд останавливается. И не заметил, как проехал пятнадцать миль, в какие-нибудь три часа махнул в Лейпциг! В тот же день, часа четыре спустя, сделав почти такой же конец, но уже не по ровной местности, а через горы и реки — приезжаешь в Дрезден.

Я слышал от многих, что будто бы с проведением железных дорог путешествие утратило всякую поэзию, что пролетаешь мимо красивых и интересных местностей на крыльях ветра. Что касается последнего неудобства, то всякий, ведь, волен остановиться на какой станции ему угодно, осмотреть, что его интересует, и затем со следующим поездом продолжать путь. С первым же утверждением я окончательно не согласен. Путешествие утрачивает всякую поэзию именно, когда сидишь запакованным в узкий дилижанс или почтовую карету, трясясь до оупения, глотая пыль и умирая от жары в самое лучшее время года, или—от холода и бездорожья зимою. Да и самые картины природы приходится тогда воспринимать хуже и медленнее, нежели совершая путь по железной дороге.

Великое изобретение—железная дорога! Благодаря ей мы теперь поспорим могуществом с чародеями древних времен! Мы запрягаем в вагоны чудо-коня—и пространства как не бывало! Мы несемся, как облака в бурю, как птицы во время перелета! Конь наш храпит и фыркает, из ноздрей его валит дым столбом! Быстрее не летели и Фауст с Мефистофелем на плаще последнего! Мы в наше время добились естественными путями такого же могущества, какого в средние века думали добиться лишь с помощью дьявола! Теперь мы потягаемся даже с ним самим: не успеет он опомниться, мы уже оставим его далеко позади...

Генрих Гейне

Конь и Осел

По железным рельсам, как молния скор,
Паровик с вереницей вагонов,
С флагом дыма над самой трубой
Рыщет с треском и звоном.

Мимо усадьбы поезд прошел...
Стоял за палисадом
Белый конь. Длинношей осел
Жевал репейник рядом.

И неподвижным взглядом конь
Смотрел на поезд. Дрожал он
Каждой мышцей и горько сказал:
«Как меня взволновал он!»

«Воистину, будь я не белый конь
От самой природы, кожа
Моя побледнела бы теперь
От этого ужаса, — боже!

«Всем — поголовью наших коней,
Всем готов приговор нам.
И хоть я бел, но грядущий день
Я вижу вороно-черным.

«Конкуренция нас, коней, убьет
С паровой этой машиной —
При езде и бегах начнет человек
Обходиться железной скотиной.

«А когда ездю, когда бега
Человек без нас оформит —
Адью, о сено! адью, овес!
Кто нас тогда накормит?

«Человечье сердце — камень и лед,
Человек и пальцем не двинет
Задаром. Нас из конюшен—вон,
И конь от голоду сгинет.

«Мы не умеем ни брать, ни красть,
Подобно различным людям,
Не льстим, как человек и пес, —
Зато в живодерне и будем».

Так плакался конь, вздыхал глубоко,
А рядом осел, владея
Собою, с покойной совестью жрал
Вторую головку репея.

Он морду облизнул языком,
И выступил с тихим ответом:
«А я не желаю сейчас страдать
И гадать о будущем этом.

«Жестокое завтра гордым коням
Теперь грозит, конечно,
Но мы, смиренные ослы,
На дело смотрим беспечно.

«Будь белый, и рыжий, и пегий конь, —
Всех выживут, без разбора,
Но нас, ослов, этот Ганс фон Пар
Заменит не так-то скоро.

«И как бы ни были умны
Людские машины эти,
Во всякое время любой осел
Сумеет прожить на свете.

«Своих ослов, исполняющих долг,
Никогда не оставит небо,
Ослов, бегущих подобно отцам,
На мельницу за хлебом.

«Мельник мелет, жернов стучит,
Он сыпает муку мешками;
Я ношу к хлебопеку, хлебопек печет,
Человек жрет хлеб с калачами.

«И этот предвечный круг естества
Никогда не устанет вращаться,
И неизменен и вечен, как мир,
В нем будет осел сохраняться».

МОРАЛЬ

Рыцарский век теперь далеко,
Гордым коням теперь нелегко.
Но смирная тварь, осел, неизменно
Будет жевать овес и сено.

Чарльз Диккенс

Машинист

(Отрывок из рассказа „Станция Мегби“)

— Всего на всего? Да, всего на всего с 1841 года я убил семь человек, взрослых и мальчиков. Уж не так же это много за столько-то лет!

Это было на станции Мегби.

Человек, который, обращаясь ко мне, произнес с таким невозмутимым спокойствием эти ужасные слова, стоял, небрежно облокотившись о стенку. Он был уже не молод. Коренастый, с красным лицом и черными, как уголь, глазами, очевидно повидавшими на своем веку и ветер, и непогоду, ибо белки их были не белаго, а темножелтого цвета и все исполосованы, словно они выдержали операцию. Он вовсе не выглядел легкомысленным болтуном, говорящим всякий вздор. Напротив, он говорил совершенно серьезно, как человек, на котором лежит известная ответственность, и выражение лица имел сосредоточенное и даже отчасти грустное. Одет он был в черную коротенькую куртку и грязные холщевые штаны, на голове носил черную приплюснутую шапочку.

— Так-то-с, сударь,—продолжал он,—вот уже двадцать пять лет, как я служу машинистом, и за все это время я убил всего семь человек, взрослых и мальчиков. Вряд ли кто из моих товарищей может похвастать такой удачей. Само собою разумеется, что я говорю только об